

ТАЙЛЕР НОВАК

БЕЛЫЙ КАМЕНЬ ВАРНАЧКИ

Некоторые места
никогда не отпускают

Бобровка.
Здесь история
не заканчивается.
Она лишь
ждёт...

БОБРОВКА

55.3927° N
69.0148° E

СЕМ

ЗЕ

18+

БЕЗУМИЕ

Tyler Nowak

Белый Камень Варначки

<https://litres.ru/74461924>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти жены и сына Натаниэль Корчевнов больше не видит смысла оставаться в Америке. Неожданное наследство возвращает его туда, откуда когда-то уехала его семья, — в небольшое село Бобровка на востоке Казахстана.

Старинный дом на окраине, заброшенная пасека, странные местные предания и холм Варначка, куда после заката стараются не ходить, постепенно открывают перед ним прошлое рода Корчевновых. Прошрое, о котором местные предпочитают молчать.

Чем глубже Натаниэль погружается в историю семьи, тем яснее становится: старые рассказы о колдунах, исчезнувших людях и белом камне на вершине холма могут оказаться не суеверием, а частью гораздо более древней и страшной правды.

Некоторые места хранят память дольше людей.

А некоторые — никогда не отпускают.

Tyler Nowak

Белый Камень Варначки

Пожалуй, я должен начать с того, что до пятидесяти семи лет совершенно не верил ни в духов, ни в проклятия, ни в ту разновидность крестьянских предрассудков, которой люди охотно объясняют всё, чего не понимают.

Я прожил почти всю жизнь в Америке.

Я платил налоги. Работал. Покупал страховку. Голосовал. Косил траву перед домом по субботам. Знал, сколько должно быть воздуха в шинах автомобиля и какой процент моего дохода уйдёт государству. Я принадлежал к поколению людей, привыкших считать мир если не понятным, то хотя бы принципиально объяснимым.

Поэтому всё написанное ниже я сам ещё несколько лет назад принял бы либо за литературную мистификацию, либо за показания человека, разум которого оказался повреждён горем.

Последнее объяснение, как мне теперь известно, врачи предпочитают и сейчас.

Возможно, они правы.

Но тогда им придётся объяснить пчёл.

Меня зовут Натаниэль Корчевнов.

В свидетельстве о рождении, выданном когда-то в Советском Союзе, значилось другое имя, которое я теперь почти

не помню. Родители стали называть меня Натаном вскоре после нашего переезда в Соединённые Штаты. Мне было девять лет, и от Казахстана у меня осталось несколько разрозненных образов: деревянный забор, запах дыма, зелёная вода в канаве, колючая трава и какие-то горы, которые казались ребёнку стеной мира.

И ещё один холм.

Гладкий.

Неестественно круглый.

Я почему-то долго думал, что видел его во сне.

Когда умерла Клэр, я впервые за сорок лет вспомнил название.

Варначка.

Но тогда у меня ещё был Эван.

Эван Хейз носил фамилию матери. Мы решили так ещё до его рождения. Клэр была последней в своей семье, и для неё это много значило. Я никогда не возражал.

Он и вообще был больше Хейзом, чем Корчевновым.

Американец до мозга костей.

Играл в школьной команде, ел чудовищное количество арахисового масла, терпеть не мог рыбу и в девятнадцать лет, не спрашивая моего совета, подписал контракт с Корпусом морской пехоты.

Мы поссорились.

Последний серьёзный разговор между нами перед его отправкой закончился тем, что он хлопнул дверью.

Позднее я сотни раз прокручивал эту сцену и каждый раз менял в ней свои слова.

В действительности ничего изменить уже было нельзя.

Из Ирака его вернули живым.

Иногда я думаю, что это было хуже.

Взрыв повредил позвоночник, таз и несколько внутренних органов. Врачи собрали моего сына, насколько смогли, из металла, лекарств и упрямства. Он продержался почти три года.

Последние восемь месяцев я жил возле него практически постоянно.

После смерти Клэр мы остались вдвоём, а после смерти Эвана не осталось никого.

Я помню утро, когда вернулся из больницы в пустой дом.

На кухне стояла его кружка.

На спинке стула висела куртка.

Я простоял там около часа, не разуваясь.

И вдруг очень ясно понял вещь, которая до сих пор кажется мне страшнее смерти: моя жизнь продолжалась.

Не должна была.

Но продолжалась.

Через два месяца пришло письмо из Казахстана.

Последний человек из старшей ветви Корчевновых, Лев Матвеевич, умер в Аргентине. Каким образом старик оказался в Мендосе, я так никогда толком и не выяснил. Но по каким-то старым документам за ним всё ещё числился уча-

сток земли возле Бобровки, доставшийся от отца.

После нескольких месяцев запросов и нотариальной переписки выяснилось, что ближайшим наследником являюсь я.

Земля.

Дом.

Лесной участок.

Ничего особенно ценного.

Я открыл карту.

Бобровка находилась совсем рядом с Усть-Каменогорском.

И увидел название, которое жило где-то глубоко в моей памяти.

Варначка.

Я продал дом в Америке через три недели.

* * *

Из Усть-Каменогорска я приехал в Бобровку в конце сентября.

День был ясный, холодный, с таким прозрачным небом, которое бывает только осенью в местах, где уже чувствуется близость настоящей зимы.

Село оказалось одновременно совершенно незнакомым и мучительно родным.

Первые минуты мне казалось, что я узнаю дома.

Потом понял, что узнаю не дома, а расстояния между ними.

Изгиб дороги.

Наклон земли.

Горы над крышами.

Маленькая речка.

Человеческая память иногда сохраняет форму пространства гораздо дольше, чем лица.

В магазине я спросил у пожилой женщины дорогу к старому участку Корчевновых.

Она переспросила:

— Каких?

— Корчевновых.

Женщина перестала раскладывать хлеб.

Вид её не выражал ни страха, ни удивления.

Она просто посмотрела на меня значительно дольше, чем требовалось.

— А вы кто им?

— Родственник.

— Издалека?

— Из Америки.

Только тогда она кивнула.

— Значит, вернулся.

Не «приехал».

Вернулся.

Я заметил это сразу.

Она объяснила дорогу: через северо-восточную окраину, потом по старой колее к лесу, вдоль глиняного яра, после которого нужно было держаться Бобровочки.

— Там увидите, — сказала она.

Я поблагодарил.

Уже у двери женщина добавила:

— К Варначке под вечер не ходите.

Я улыбнулся.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Темнеет быстро.

Дом я увидел часа через два.

Вернее, то, что от него осталось.

Небольшой сруб стоял между берёзами и соснами, в стороне от заброшенной дороги. Крыша просела внутрь, одно окно было заколочено, другое смотрело на лес чёрным проёмом. За домом начинался склон, заросший кустарником.

Ниже, в глубине, слышалась вода.

И несмотря на разрушение, место мне понравилось.

Впервые после смерти Эвана я почувствовал не радость — до радости было ещё слишком далеко, — а хотя бы желание чем-нибудь заняться завтра.

Я решил восстановить дом.

* * *

Работы продолжались почти семь месяцев.

Весной я окончательно перебрался туда.

Люди из села помогали мне охотно, пока речь шла о крыше, электричестве или колодце. Но когда кто-нибудь узнавал мою фамилию, неизменно происходила едва заметная пере-

мена.

Разговор становился короче.

Человек находил повод уйти.

Однажды плотник, уже согласившийся заменить часть венцов, внезапно отказался от работы, когда я показал ему старое клеймо на одном из брёвен.

Это был странный знак: три сходящиеся линии внутри окружности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.